

Это ощущение не отличалось от того, которое исходило от Тоты. Эта черная аура невероятной силы. Рост около шести футов. На фут выше меня, но только в буквальном смысле. Он был облачён в серую мантию. Голова, плечи и ноги могли бы сойти за обычные человеческие конечности.

Но обе его руки были покрыты черным хитином, отражающим непрекращающиеся вспышки огня и электричества. Из перчаток по локоть торчали чудовищные черные лезвия, а пальцы рук превратились в смертоносные когти. Тень окутывала его, словно злобный венок, а зазубренные рога образовывали странную, огромную корону на голове. Он парил в воздухе, в нескольких футах над землей.

Эфира и Ралакос увидели его одновременно и застыли на месте.

Ралакос выглядел испуганным.

Архидемон посмотрел в мою сторону, и я спрятался за валуном на окраине поля боя, к черту невидимость. Я ощутил его взгляд, ищущий, обжигающий, как жар костра.

Жар исчез. Я выглянул из-за валуна как раз вовремя, чтобы увидеть, как существо пошевелилось. Его рука едва заметно дернулась.

Эфира упала, схватившись за шею, горло было перерезано, на месте удара зияла багровая рана.

Ралакос попытался прикрыть ее, но архидемон оттолкнул его назад. Каждый раз, когда Ралакос пытался сотворить заклинание, изверг шевелил левой рукой с темным свечением, и заклинание Ралакоса рассыпалось.

Ралакос выхватил свой меч и напал на него светящимся белым светом. Изверг не пытался отменить заклинание, просто с интересом наблюдал за ним, как хищник наблюдает за пойманной добычей.

Моя рука сжалась на рукояти меча. Я заранее смазал его розовым маслом, но из опыта с Кастрамотом знал, что демонический огонь в этой ситуации почти никак не поможет. У меня был мой алхимический порошок и дым, но Ралакос был окружен легионом демонов. Они отнюдь не вежливо ожидали. Каждый раз, когда он подходил слишком близко к краю круга, они набрасывались на него.

Я ничем не мог помочь.

Ралакос бросился на архидемона, взмахнув мечом с невероятной скоростью, но был отброшен в воздухе. Он приземлился на бок, и рука архидемона засветилась голубым светом, заставив Ралакоса встать на колени.

— Схватите его. — Голос архидемона был достаточно громким, и я почувствовал, как он отозвался в моей пояснице, вибрирующим огнем, от которого дрожь пробежала по позвоночнику и седалищным нервам.

Благодаря ужасающему туману, у меня осталось достаточно осознанных мыслей, чтобы заметить несоответствие.

Они брали Ралакоса в плен. Зачем?

По логике вещей, это должен быть он. Все остальные варианты были исключены. Эфира была близка к Ралакосу по мастерству, если не сильнее. Так зачем же брать его?

Голова архидемона повернулась ко мне. Я упал на землю и выругался, когда понял, что вижу свои руки.

Невидимость ослабла. В панике, трясаясь и паникуя, я вытащил из кармана свиток телепортации и развернул его, вливая ману в руну. Должно быть, на заполнение ушло всего несколько секунд, но каждая из них тянулась мучительно долго.

Я снова почувствовал жар на шее.

Медленно поднял голову. Паря над скалой, архидемон зловеще наблюдал за мной.

— Не заставляй меня гнаться за тобой.

Все мое тело содрогнулось от этого звука. На мгновение я почти решил это сделать. Все было кончено. Но потом вспомнил слова Неттари о демонах и королевской крови. Почему-то подумалось, что они не дадут мне умереть. Тот случайный Большой Демон, который убил меня в первый раз в анклав, скорее всего, сделал это на инстинктах.

Этот был другим.

Меня ждут другие испытания.

Я завершил направление. Раздался треск, и я почувствовал, как мое тело одновременно сплющивается и тянется. На мгновение лицо пернатого исчезло, и меня затянуло в мерцающий голубой свет.

Затем, снизу, я почувствовал боль. Чудовищная черная рука протянулась сквозь искажение и схватила меня за лодыжку. Она дернула меня назад; вся кожа напряглась под действием силы, казалось, что она может разорвать меня.

Я упал на землю, хныча и дрожа. Я снова оказался за тем же валуном, что и раньше. Свиток не сработал.

Два демона подняли меня за руки. Они гоготали и хихикали, как дети-садисты. Архидемон бесстрастно смотрел, как они тащат меня прочь.

— Я же сказал не убегать. — Глаза архидемона буравили меня.

Меня подвесили вверх ногами на цепи, медленно раскачивая из стороны в сторону. Камера находилась где-то под землей. На данный момент агония отступила в холодную, прохладную летопись шока. Капельки крови стекали по моей шее по волосам и капали на пол.

Казалось, что я больше не боюсь смерти. Эта боль, хоть и была ужасной, и я никогда не мог ее игнорировать, в конце концов, могла быть отброшена. После смерти боль уйдет. Это рационально. То, что случилось из-за Кастрамота, произошло лишь потому что все было еще так ново. Я тогда еще не привык к подобной боли.

Я ошибся.

Думаю, лучше оставить некоторые детали в стороне. Я не хочу переживать их заново, так же как и вы захотите их слышать. Но не могу же я полностью пропустить то, что со мной произошло. Очень многое из той ночи осталось со мной, даже после всего остального.

Звук, который издает связка, когда её разрывают.

Ощущение воздуха на пальце с вырезанным ногтевым ложем.

Металлический скрежет щипцов по зубам.

Как дышать, когда у тебя больше нет носа.

Невыносимое давление большого пальца на глаз и хлюпающий звук, который он издает, когда разрывается.

Звук моего голоса, умоляющего прекратить это, но я не помню, как произносил слова, только как слышал их.

Напоминание о том, что сколько бы раз — десятки или сотни, я ни раскрывал правду и природу своей души, они никогда не вспомнят и всегда будут спрашивать снова, не зная о моем предыдущем признании.

Каково ощущение, когда разум отделяется от тела и просто наблюдает за тем, как кто-то, кого

ты не знаешь, жестоко расправляется с кем-то, не имеющим значения, за кем наблюдает другой, чье имя не удаётся вспомнить.

Блаженное освобождение, которое может подарить только сон.

— Ты должен вспомнить, Кэрн.

Я моргнул. Солнечный свет струился между деревьями.

Испугавшись, я попытался сесть. Мягкие руки толкнули меня вниз. Шоколадно-карие глаза Лилиан смотрели на меня сквозь копну взъерошенных волос.

Это было одно из полей, где мы часто устраивали пикники, далеко от замка, примерно в миле от самого Эвервуда. В это время был разгар Обернсвелла, вероятно, первые несколько недель, так как листья поблекли до жгуче-оранжевого цвета, но еще не начали опадать.

— Мне снится сон, — сказал я.

— Может, да, а может, и нет. Разве это имеет значение? — Ее голос был музыкой. Я посмотрел на себя. Кожа на моей левой руке была цела. Пальцы были целыми и не раздробленными. Из-за дальнего холма по поляне разносилась отчетливая трель сосновой камышевки.

— Главное, чтобы ты вспомнил, — настаивала Лилиан. Ее пальцы танцевали по моему лбу.

— Что вспомнил?

— Имя архидемона.

Как только прозвучали слова — архидемон, — моя голова начала болеть. Я провел рукой по лбу, гримасничая. — Я пытаюсь.

— Знаю, что ты стараешься, — сказала Лилиан. — Мой дорогой, милый, забывчивый Кэрн.

— Это не я здесь забывчивый, — проворчал я. — Мисс аптекарша, никогда не помнящая, как называются ее ингредиенты.

— Верно. Я забыла название одного или двух растений...

— Или двух. — Я усмехнулся от недосказанности.

— Но ты, мой дорогой, гораздо хуже. Ты забыл больше, чем большинство людей прожили.

Это показалось мне важным. Я попытался сесть и посмотреть на нее. — Что это значит?

Лилиан молчала. Ее платье сползло с левого плеча, обнажив массу веснушек, испещривших ключицы. Это был знакомый вид, который когда-то наполнял меня тоской и манил к себе.

Но теперь это чувство притупилось до легкой пульсации.

Я отвел взгляд в сторону, в лес, грусть нарастала в моей груди.

— Не чувствуй себя виноватым, любовь моя. — Лилиан прижала мою руку к своей груди, осыпая нежными поцелуями мое плечо.

— Как я могу не чувствовать? — прошептал я.

— Посмотри на меня. — Она взяла мой подбородок в руку и наклонила голову к себе. — Ты всегда будешь моим Тристаном. И я буду здесь для тебя, если тебе понадобится. Это никогда не изменится. Но я больше не твоя Элоиза.

Я хотел возразить. Но это была правда. Мои мысли были настолько заняты магией, языками и демонами, что я месяцами не вспоминал о Лилиан.

— Если я запомню, — спросил я, мой голос затих, — мне придется вернуться?

— Да.

— Могу ли я просто остаться с тобой здесь?

— Можешь.

— Но ты говоришь, что я не должен.

— Да.

Я откинул плед и уставился в безоблачное небо. Медленно, вдыхая ману, я позволил ей заполнить меня, и хаос в моем разуме превратился в безмятежность.

— Его имя... Озра.

В ту же секунду, как имя покинуло мои губы, я вернулся в подземную камеру. Всё болело. Я попытался закричать, но вместо этого вырвался кровавый, пузырящийся хрип. Я продолжал вытягивать ману, пытаясь очистить свой разум и лишь частично преуспевал в этом. Оставшимся глазом осмотрел комнату.

Справа от меня стоял стол с окровавленными инструментами.

Они связали мои запястья веревками, так как они слишком распухли для оков.

Немедленно я попытался вызвать искру, но она погасла.

Спустя, казалось, несколько часов, удалось освободить руку.

Дверь со скрипом открылась, и я начал хныкать. В дверь просунули маленькое тело со связанными ногами и ступнями.

Демон шагнул в дверной проем — это был один из теневых больших демонов, тот самый, который убил меня в первый раз. Она стянула капюшон с головы инфернала.

— Угадай, кто пришел искать тебя? — прошептала демон.

Только тогда я увидел его лицо.

Джорра часто дышал. Его глаза окрасились в мучительный розовый цвет, а из носа на подбородок стекали дорожки соплей.

— Джорра, — сказал я. Получилось больше похоже на — Джоооаа.

Джорра начал плакать, его глаза блестели в тусклом свете. — Кэрн? Кэрн! Пожалуйста. Пожалуйста. Скажи мне, что у тебя есть план. Кэрн, они убьют меня, если ты не скажешь им то, что они хотят узнать.

Я замер. Он был связан, я был связан. Мой взгляд переместился на инструменты на подставке.

— Подви. Подст.

Подвинь подставку.

— Что? — спросил Джорра, его глаза расширились, — О боже. О, боги. Что они с тобой сделали? Кэрн, твоё лицо...

Я повторил это снова, и на этот раз он понял.

Немного покачиваясь и извиваясь, он смог продвинуть его на дюйм или два в мою сторону. Хотя все моё тело кричало, я начал перемещать свой вес из стороны в сторону, отчаянно раскачивая цепь, вытягивая руку. Большой и указательный пальцы на моей руке всё ещё были в порядке, так что это был не столько захват, сколько щипок.

Я услышал голос демоницы снаружи. Она с кем-то разговаривала, их беседа велась на низком, веселом тоне.

Под моими пальцами звякнул металл. Я попытался нащупать пилу или что-нибудь еще, что могло бы разрезать мои путы, но вместо этого наткнулся на короткое острое лезвие скальпеля.

Я выругался и начал неуклюже пытаться разрезать веревку, державшую мою вторую руку, лезвие то и дело впивалось в меня, пока я пилил. Постепенно надежда исчезала с лица Джорры.

Он понял это раньше меня. Мы не выберемся отсюда.

За дверью послышался звон ключей.

Теперь я мог помочь Джорре только одним способом.

— Закр глаза.

Закрой глаза.

Меня утешило то, что он послушался.

Никто не видел, как я перерезал себе горло.

Потребовалось две попытки.

В первый раз я остановился прямо перед веной. Во второй раз лезвие ударило точно: теплая красная кровь хлынула мне в горло, прошла мимо того места, где раньше был нос, попала в глаза и потоком брызнула на пол.

Я услышал крик Джорры, прежде чем мир погрузился во тьму.

Вновь.

<http://tl.rulate.ru/book/77890/2478657>